

Астрид ЛИНДГРЕН БАБУШКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Без ее Карлсона и Пеппи Длинныйчулок вот уже несколько поколений не могут представить своего детства. Обычная, ничем, на первый взгляд, не примечательная женщина из шведской глубинки,

домохозяйка, вдова, мама и бабушка с заурядной женской судьбой оказалась потрясающим детским психологом, запечатлевшим в своих образах все вечные черты Ребенка любой расы и эпохи.

ЕЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

У Астрид Анны Эмили Эриксон, родившейся в 1907 году на шведском хуторе Нас, были прекрасные родители: трудолюбивые, любящие, добрые. Самуэль Август Эриксон из Севедсторпа и Ханна из Хульта любили друг друга с девяти лет и сохранили это чувство на всю жизнь. Самой писательнице представлялось, что их история вмещает больше любви, чем какая-нибудь иная, и она вдохновлялась ею всю жизнь. Во всех своих книгах Астрид так или иначе возвращалась к своему детству и часто говорила, что закончит писать, как только опишет все свои воспоминания о той прекрасной поре.

Отец писательницы был арендатором у местного священника и работал на земле до седьмого пота. Семья Астрид жила простыми патриархальными ценностями. Они трудились в поле, ухаживали за скотом, а в свободное от тяжелого труда время гуляли по живописным, хотя и суровым, хвойным лесам Смоланда. В школе Астрид хорошо училась в школе, читала много и беспорядочно. Ее сочинения так нравились учителю по литературе, что он прочил ей славу Сельмы Лагерлеф, известнейшей тогда шведской романистки. У Астрид был старший брат и две младшие сестренки. Все они были страшными фантазерами. Их изобретательные игры стали потом учебником для миллионов детей, воплотившись не только в проказы Карлсона и Пеппи, но и в других не столь широко известных книжках – «Эмиле» и «Мадикен». Кстати, все дети Эриксон стали творческими людьми: брат и средняя сестра Астрид – тоже писателями, а младшая – журналистом.

Чудесное детство Астрид кончилось как-то внезапно. Однажды она поняла, что беспечность, свобода и игры остались позади. Окончив школу, сначала работала в местной газете, затем переехала в Стокгольм и поступила в школу секретарей. Однако взрослая жизнь не клеилась. Пытаясь «играть» в серьезную барышню, Астрид забеременела в 18 лет. Выходить замуж она не хотела, а жить с внебрачным ребенком в маленькой деревне среди досужих кумушек было просто невозможно. На дворе были сложные послевоенные двадцатые годы, а за окном – пуританская Швеция. Однако ей и в голову не пришло расстаться с будущим

ребенком. В 19 лет в далеком и чужом Копенгагене она родила сына Ларса. Однако Астрид не смущало ее положение. Она выросла сильной и независимой и смотрела вперед только со свойственным счастливым детям оптимизмом. Чтобы зарабатывать себе на жизнь, Астрид, скрепя сердце, оставила своего ребенка на воспитание в Копенгагене, а сама переехала в Стокгольм и нашла там скромную работу в маленькой конторе. Видеть сына только по праздникам ей было невыносимо, поэтому скоро она перевезла его в родной и гостеприимный дом Эриксон. В Стокгольме Астрид познакомилась и вскоре вышла замуж за перспективного торговца автомобилями Стуре

Линдгрена. Вот тогда-то и началась вторая счастливая пора ее жизни. Она стала домохозяйкой, забрала от своих родственников Ларса, а вскоре родила и дочь – Катрин. Тихая семейная жизнь в маленькой скромной квартирке была для Астрид воплощением счастья.

Ее муж был добрым и жизнерадостным человеком, любящим мужем и отцом, которому к тому же сопутствовал профессиональный успех. Его единственным недостатком была выпивка, сопровождавшая частые торговые сделки. Однако любитель спиртного никогда не был агрессивным или грубым. Астрид не принимала его шумную веселость и беспечность. Истинная шведка, она совершенно не понимала частые шутки и розыгрыши, была лишена внешнего веселья и искрящегося юмора. Стуре Линдгрэн, наверное, очень бы удивился, если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что его угрюмая жена «произведет на свет» таких непре-

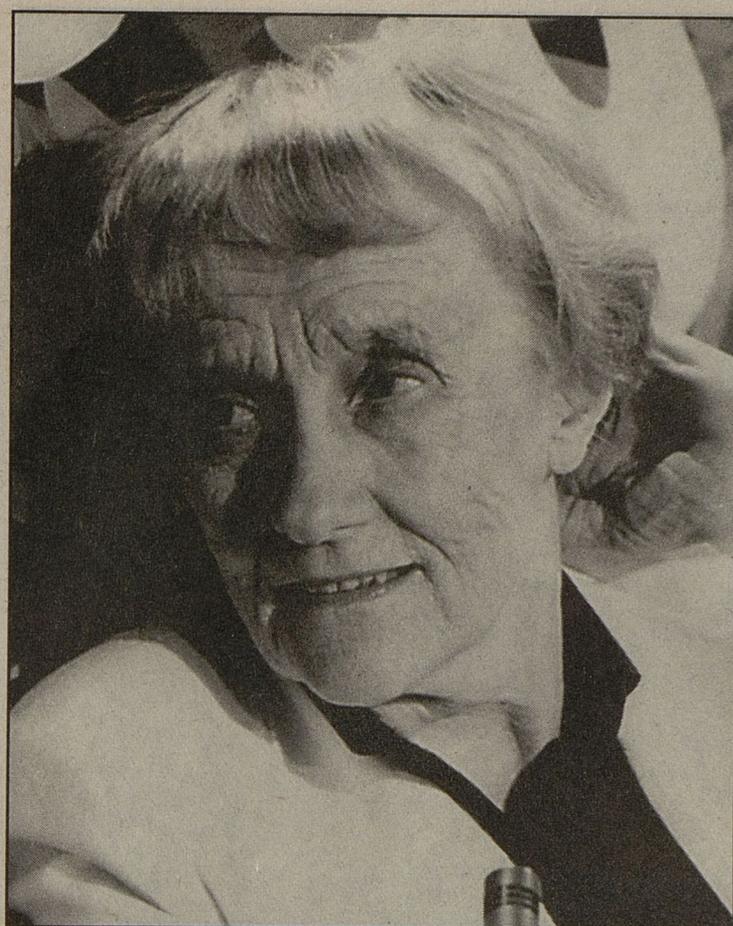
зойденных шутников, как Карлсон и Пеппи. Он умер в начале пятидесятых, оставив Астрид с двумя уже почти взрослыми детьми.

«ЖЕНЩИНА ВЕКА» БЕЗ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Линдгрэн не зря называют самым титулованным детским писателем. Она получила несколько премий шведского государства за литературные достижения, а также: премию имени Ганса Христиана Андерсена, которую называют «малой Нобелевской», премию имени Льюиса Кэрролла, награды ЮНЕСКО, Международную Золотую медаль Льва Толстого, «Серебряный Медведь»

и другие награды и премии многих стран мира. Именем Астрид Линдгрэн названа одна из малых планет. Она стала первой женщиной, которой при жизни был поставлен памятник – он находится в центре Стокгольма, и Астрид присутствовала на торжественной церемонии его открытия. Не так давно шведы назвали свою соотечественницу «женщиной столетия», а после ее смерти в Швеции был открыт первый музей Астрид Линдгрэн. С начала 1970-х гг. ее книги неизменно возглавляют список самых популярных произведений для детей. Они переведены более чем на 80 языков мира. Если весь тираж ее книг поставить в вертикальную стопку, то она будет в 175 раз выше Эйфелевой башни. Многие произведения Астрид Линдгрэн были экранизированы. Однако шведские мультипликаторы впервые решили снять фильм о похождениях Карлсона всего за неделю до смерти писательницы.

Шведская академия так и не удостоила присудить нобелевскую премию своей великой писательнице (она была среди соискателей в 2000 году вместе с Милорадом Павичем, Салманом Рушди, Гюнтером Грасом), хотя могла бы, если бы почаще перечитывала завещание Нобеля, где написано: «... одна пятая часть должна быть вручена человеку, создавшему наиболее выдающееся произведение идеалистического характера в области литературы». Все

книги Астрид Линдгрэн как раз соответствуют указанным критериям.

АНАРХИСТКА ПИППИ

Первой, как известно, «родилась» Пеппи Длинныйчулок (в оригинале – Пиппи, но в большинстве русских переводов она почему-то стала Пеппи). Ее придумала девятилетняя Катрин, когда болела корью. Маме больной капризной девочки пришлось быстренько сочинить целую историю. Это было не так уж и сложно: женщина просто вспоминала себя саму в возрасте своей дочери: так и появились смешные рыжие косички, чулки, лошадь в соломенной шляпке и тысячи проказ. Сама Линдгрэн рассказывала, что в детстве «редко могла спокойно сидеть на месте»: «Все время носилась с друзьями, кувыркалась и прыгала. Благо в нашем доме и около было очень много места для игр, да и родители нисколько не мешали нам с друзьями. Они были мудрыми людьми, понимали, как важно ребенку выплескивать свою безграничную энергию». «Сериал» про Пеппи продолжался изо дня в день, пока Катрин не выздоровела. Вместе со всеми превратностями ее болезни Пеппи Длинныйчулок была вскоре позабыта.

А вспомнила Линдгрэн о ней, когда сама была вынуждена провести в постели две недели, поскользнувшись зимой 1944-го года на ледяном тротуаре. Лежать без дела со сломанной ногой было скучно, и вот Астрид взялась записать придуманные когда-то истории. «Я стала писателем из-за того, – пошутила она впоследствии, – что мартовским вечером 1944 года в Стокгольме шел снег».

Линдгрэн не была простой сказочницей. Все ее книги для детей так или иначе не обходились без социальных тем и немедленно вызвали отклик у взрослых. Так, например, когда в 1945 году вышла «Пеппи Длинныйчулок», тема воспитания детей была очень актуальной в Швеции. Новая социальная политика всячески приветствовала крепкую семью и деторождение. После того как повысили пособие одиноким матерям и инвалидам, многие дети, которых раньше отправляли в спе-

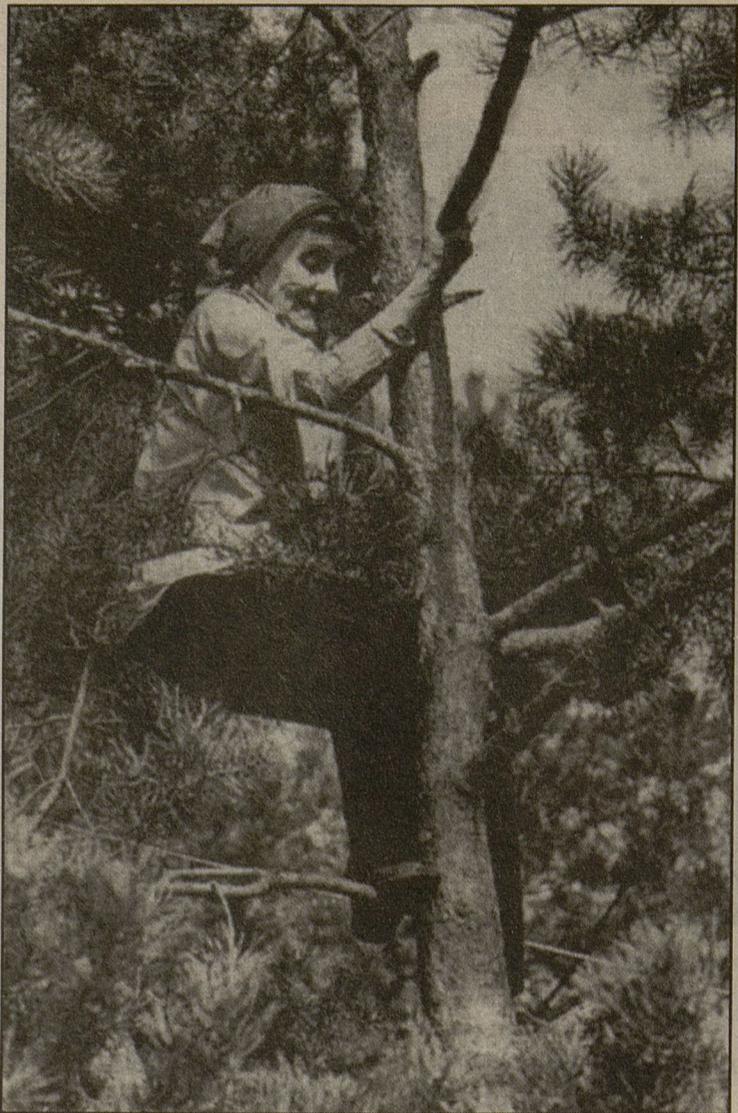
циальные учреждения, получили возможность воспитываться в своей семье. Количество детей в детских домах резко сократилось. Тогда же существенно возрос интерес к педагогическим экспериментам. Требовалось новое поколение уверенных и изобретательных людей. В строящемся индустриальном обществе всеобщего благополучия, какой была тогда Швеция, находчивость в детях ценилась больше, чем послушание. Астрид Линдгрэн понимала это не хуже самых лучших педагогов. В письме к издателю, которое было приложено к рукописи «Пеппи Длинныйчулок», писательница ссылаясь ни на кого-нибудь, а на английского философа Бертррана Рассела: «У Рассела я прочла, что главная особенность психологии ребенка – его стремление быть взрослым, или, точнее говоря, жажда власти». На этом «тайном» желании ребенка Линдгрэн и выстроила образ Пеппи. Редакторы отказались печатать книгу. Год спустя им пришлось горько пожалеть об этом. Книга вышла в другом издательстве и мгновенно стала бестселлером.

Дети обожали проказы Пеппи, а современно настроенная критика отмечала благотворное воздействие героини на психическое здоровье детей. «Пеппи – вымышленный персонаж, воплощающий детскую мечту нарушать все запреты, чувствовать свое могущество и вытворять все что угодно, как только это придет в голову. Книга стала опасным выходом из будничного и авторитарного режима – вот секрет неслыханного успеха книги у детей», – писали два влиятельных специалиста по детской литературе в 1948 году. Другой критик идет еще дальше, говоря о «замечательном анархизме» и называя Пеппи «лихим гением 40-х годов, взрывающим все условности и ограничения».

Конечно, были и менее благосклонные отклики. Один профессор литературы опубликовал возмущенную статью, в которой называл Пеппи душевнобольной и писал, что «эта противостественная девчонка и ее омерзительные похождения вызывают лишь отвращение и травмируют душу». Линдгрэн не осталась в долгу: «Я не раз утверждала, что для взрослых писать не хочу. Но если они меня

1998.09.05 (с. 19) Линдгрэн Астрид

читают, то это значит, что в их душах, как и в моей, живет ребенок... Что же касается профессоров... Один профессор написал рецензию на «Пеппи». Он раскритиковал книгу за то, что все в ней неправда. Например, писал профессор, как это ребенок может за один присест съесть торт? Я ему ответила: если ребенок может поднять над головой лошадь, то почему бы ему не съесть и целый торт?».

Осуждающий взгляд на «Пеппи Длинныйчулок» долго еще господствовал в консервативных кругах. Педагоги и в Швеции, и особенно в Соединенных Штатах неоднократно выступа-

ли против того, чтобы рекомендовать эту книгу школьным библиотекам. Они выражали сомнения в том, что Пеппи, озорная и непослушная девчонка, сможет стать положительным примером для детей из приличных семейств.

Выпады против героини Линдгрэн были также отчасти направлены против радикальных шведских феминисток, называющих Пеппи образцом женщины в детстве. Однако никакие отрицательные отзывы Линдгрэн не смущали. «Я, например, знаю, что многим шведским девочкам моя Пеппи помогла стать свободнее, нау-

чила естественно держаться и не сникать перед сложностями жизни», – говорила писательница. Впрочем, Линдгрэн не только писала книги, но и сама являла собой пример бесстрашия. Не раз, причем в довольно преклонном возрасте, она забиралась на деревья, вызывая восторг не только у детей, но и у взрослых.

Любопытным образом все дискуссии, связанные с этим персонажем, оказались невероятно злободневными: преобразование устаревших норм благотворительности в социал-демократическое общество всеобщего благоденствия с равными и установленными законами правами для всех было тогда самой насущной проблемой. В частности, обсуждались вопросы школьного питания, пособия на детей и демократизации школьной системы. Поэтому очень сложно упрекать Пеппи за то, что она высмеивает «благотворительность» фрекен Розенблюм, ее систему поощрений и наказаний, теплые чулки для бедных и карамельки для богатых. К изданию книги 1952 года Астрид Линдгрэн добавила еще одну главу, что было данью времени: когда Пеппи пригласили в гости на чашку кофе и нарядные дамы стали жаловаться на своих домработниц, Пеппи начинает контратаку и рассказывает невероятные истории про «бабушкину домработницу Малин», которая своей распушенностью и своенравностью побивала все рекорды. Было очевидно, что время домработниц прошло и что нарядные дамы вскоре сами будут драить свои полы и вместе с бывшими домработницами искать работу.

Удивительно, однако, как советская цензура пустила книги Астрид Линдгрэн на территорию Страны Советов. Кроме идеологических несоответствий, русский язык, совершенно не восприимчивый к зубодробительному сочетанию согласных в шведском, должен был бы отторгнуть всех этих чужеродных Сванте Свантенонов, Карлсонов, Филле, Рулле, Бил-

лерблю, Кристеров, Гунилл и других. Получилось как раз наоборот. Они прижились у нас точно так же, как прижилась Биби Майя-Лонга в Бразилии, Фиффи Бриндасье во Франции, Нагакутсушита-Но-Пиппи в Японии и Бильби Бат-Герев в Израиле. Все это – лингвистические ипостаси Пеппи Длинныйчулок.

КАРЛСОН КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

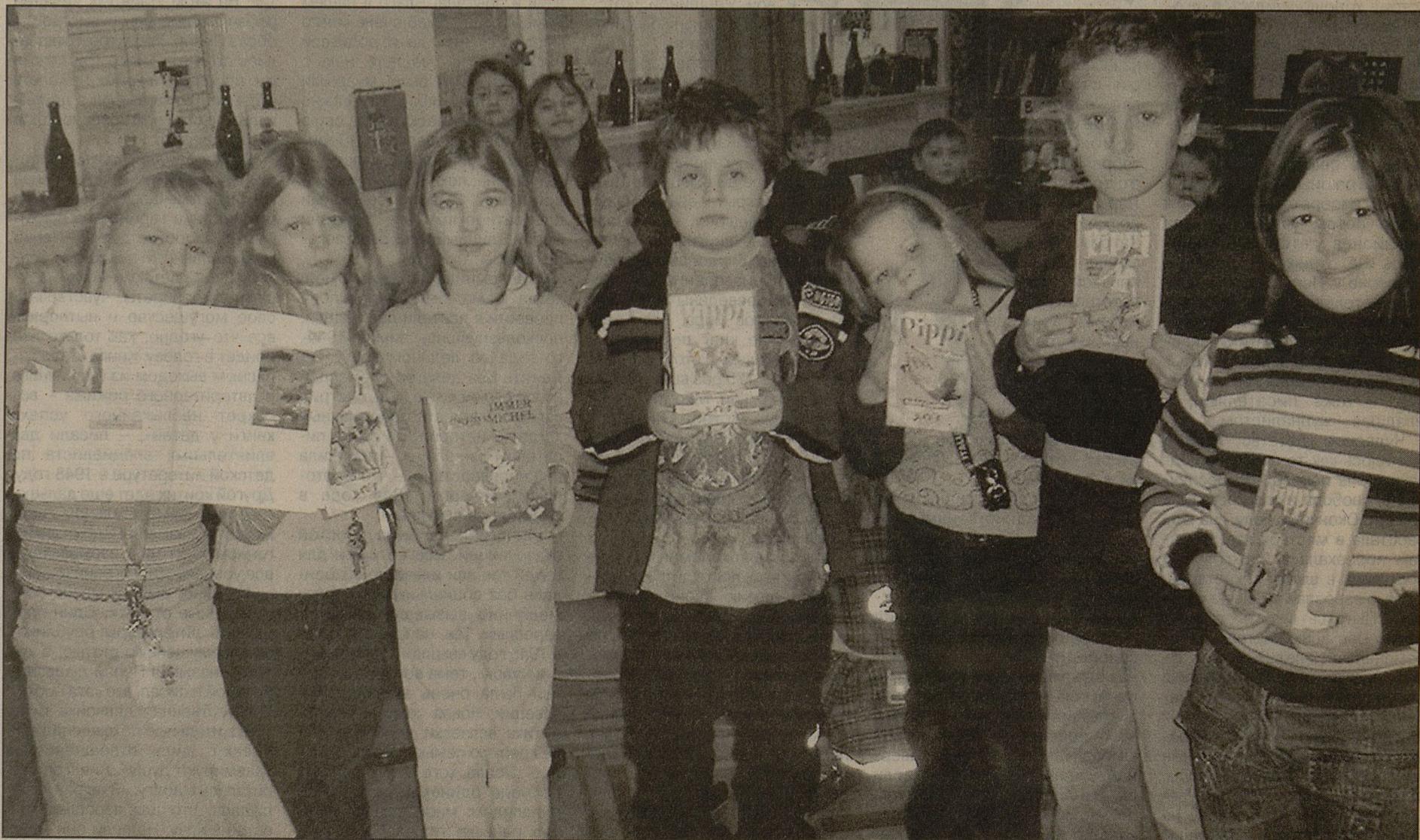
В 1955 году появилась веселая и жизнерадостная книга «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Идею для новых историй тоже подсказала дочь. Астрид обратила внимание на смешной рассказ Карин о том, что, когда девочка остается одна, к ней в комнату через окно влетает маленький веселый человечек, который прячется за картину, если входят взрослые. Так появился Карлсон – красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, самодовольный человечек с пропеллером на спине. Карлсон – такой же незаменимый товарищ детских игр, как и Пеппи. Однако он лишен ее способности к сопереживанию и заботе об окружающих. Он думает только о себе, с ним весело, хотя и немного тягостно играть. При всем обаянии Карлсона главный герой книги – все же Малыш – застенчивый, вдумчивый и ранимый мальчик. Кстати, в книгах Астрид Линдгрэн не раз встречается подобный образ младшего брата: Пелле из «Мы – на острове Сальткрока», Боссе из трилогии о Бюллерблю и др. Социологи считают, что в этом образе Линдгрэн выписала новый шведский идеал мужчины – уравненного в правах с женщиной «домашнего папы».

Карлсона писательница поселила на крыше того же старого дома, где на последнем этаже под крышей когда-то жила семья Линдгренов. Писать о семье Малыша, ее быте и даже виде из окна было просто: Астрид описывала то, что было на самом деле. Малыш живет в Стокгольме 1950-х годов, в са-

мой обыкновенной семье, с папой, мамой, старшим братом Боссе и сестрой Бетан. Папа большую часть времени проводит на работе, мама – на кухне готовит тефтели. Боссе и Бетан живут своей жизнью. Типичный средний класс. Малышу очень тесно в просторной благоустроенной квартире, хотя, у него, как у любого благополучного ребенка, есть своя комната. Это дает возможность Карлсону прилетать в гости к Малышу, оставаясь при этом незамеченным. Малыш не больной, не бедный, но ему так грустно и скучно в этом царствии благополучия, что Карлсон – реальный или вымышленный – ему просто необходим.

Жизнь самой Линдгрэн отнюдь не изобиловала потрясающими происшествиями: она прожила в одной квартире более пятидесяти лет, еще того дольше дружила с одними и теми же людьми, единожды овдовев, никогда больше не помышляла о замужестве и любви. Увидеть дальние страны ей удалось только под старость, когда от громадных тиражей ее популярных книг у вдовы-домохозяйки появились значительные средства. Но впечатления от поездки за границу уже не вошли в ее литературное наследие: она писала о простом, обыденном и повседневном, однако при этом создала принципиально новый тип сказки. Ее истории ничего общего не имеют с мистикой, они происходят среди людей, в самой обычной жизни, прямо посреди бела дня, в нескольких шагах от привычной городской жизни.

В Советском союзе Карлсон стал героем популярнейших мультфильмов и чуть ли не национальным героем. Его методы воспитания домочитательницы, озвученной несравненной Фанной Раневской, были взяты на вооружение повсеместно и в пересмотре не нуждаются. Однажды Линдгрэн написала письмо русским читателям, в котором вспоминает такой случай: «Мне рассказывали, что русские дети особенно неравнодушны к мое-

му Карлсону. Поразила меня история о шестилетнем москвиче. Ему прочли мою повесть, после чего мальчик стал очень странно себя вести. Он с трудом поднялся по утрам с постели, не гонял во дворе мяч и выглядел очень усталым. Только через неделю родители выяснили, в чем дело. Оказывается, когда все ложилось спать, мальчик садился за стол, раскрывал тетрадку и слово в слово переписывал книгу про Малыша и Карлсона. Увидев изумление матери и отца, сын объяснил: «Понимаете, это такая хорошая книга! А вдруг она потеряется?! Наверное, популярность Карлсона в вашей стране отчасти объясняется тем, что в нем есть что-то русское».

ПАФОС МАЛЕНЬКИХ БУНТАРЕЙ

Неоднократно в творчестве Астрид Линдгрэн поднималась тема противостояния отцу. Самый любимый ее персонаж – это все-таки Эмиль из Леннеберги. Первая часть трилогии о мальчишке-проказнике – настоящая книга для маленьких детей. Герою пять лет, и он беспрестанно шалит. Во второй книге – «Новые проделки Эмиля из Леннеберги» – герой, хотя и не успел особенно подрасти, уже возмужал и в своем противостоянии отцу превратился в настоящего бунтаря. Однажды субботним вечером на крыше сарая, «подняв к небу свой черный от сажи кулачок, он заорал так, что его слова разнеслись по всей Леннеберге: «Сегодня вечером столарка будет разрушена, и я никогда больше не стану здесь сидеть». В Эмиле уже просыпается социальный пафос. Он благородно ненавидит Командоршу, укравшую все рождественское угощение бедняков из богадельни, и самовольно устраивает в Катхульте пир для бедноты. Ему не кажется, что это проказа, – он знает, что «ангелы на небесах захлопают в ладоши», да и мама обрадуется, несмотря на то, что бедняки съели все ее рождественские запасы. Мама, как нам показано, всегда очень добра к бедным. С папой несколько сложнее – он довольно скуп. В последней книге об Эмиле, «Жив еще Эмиль из Леннеберги!», образ мальчишки окончательно оформился и прояснился. Эмиль заключает сделки и укрощает свиней, как настоящий профессионал. Однако главная тема книги – сильная привязанность Эмиля к работнику Альфреду. Благодаря этой привязанности мальчику удается избавиться от влияния отца, и даже заслужить его невольное уважение и восхищение. Последняя глава повествует о том, как Эмиль в пургу везет на санях через лес смертельно больного Альфреда к врачу в Марианнелунд. В трилогии в конечном счете prevыше всего оказывается любовь, которая все побеждает. Даже социальные противоречия, даже бедность и любого рода несправедливость. Даже саму смерть. В книжке про Эмиля – конечно же, счастливый конец.

Последняя крупная книга Астрид Линдгрэн «Рони, дочь разбойника» – любимая книжка феминисток. По жанру это раз-

бойничий роман, лесная сказка, но важной особенностью книги является то, что главная героиня в ней – девочка. Рони и ее мама Лувис обладают поразительной женской силой и жизнестойкостью, и в этом явно прослеживается влияние современных гендерных теорий. Лувис,

«рожая ребенка, пела. Она уверяла, что так ей легче, да и младенец на-

верняка будет более веселым, если появится на свет под звуки песни». Таким образом, Линдгрэн играючи высмеяла роды с обезболивающими средствами, которые в то время активно пропагандировались в Швеции. Как и в книжках про Эмиля, здесь поднимается вопрос о любви и противостоянии отцу. Рони любит отца так же сильно, как мальчика Бирка. Предпочесть одного из них – мучение. Но она должна выбрать Бирка, чтобы эмансипироваться от отца. Уже сделав выбор, Рони может после многих приключений вернуться к отцу и, став уже взрослой женщиной, такой же сильной, как мама Лувис, – утешить его в горе.

ЗАЩИТНИЦА МАЛЕНЬКИХ И УБОГИХ

В 1970-90-е годы писательница играла немаловажную роль в политической жизни страны, причем воздействовала она на общественное мнение, как обычно, с помощью своих книг. В 1973 году появилась, может быть, самая почитаемая за границей книга Астрид Линдгрэн – «Братья Львиное Сердце». В ней писательница свела воедино все темы и идеи, которые когда-либо затрагивала в своем творчестве: одинокий ребенок в болезни, бедности, борьбе добра и зла, приключения и опасности, блинчики, яблоневый сад и радость обретения собственной лошади. Повествование от лица ребенка ведется с чарующей искренностью. Поэтический восторг сменяется натуралистическими переживаниями. И так же как в

«Мио, мой Мио!», здесь есть своего рода эстетика противостояния.

В 1970-е годы в Швеции культура отошла на второй план, уступив место политике. На Астрид Линдгрэн посыпались нападки молодых радикалов за аморальность. Ее героев находили элитарными индивидуалистами. Ее обвиняли в том, что она не анализирует причины зла и социальной несправедливости. Линдгрэн не могла не ответить своим критикам. Герой-освободитель ее книги, Урвар, ведущий за собой людей против жестоких властителей, предвещает «бурю свободы», которая «сокрушит угнетателей». Его брат, Юнатан Львиное Сердце осторожно спрашивает, значат ли эти слова, что врагов убьют. И отказывается убивать. Коллективной борьбе за освобождение Линдгрэн противопоставила внутреннюю борьбу личности, попытку найти силы быть мужественным и преодолеть страх, не быть «мелкой вонючкой», как выражается старший брат Львиное Сердце.

Разумеется, молодые шведские радикалы были в ярости. Они-то думали, что борьба против американского империализма приведет к счастливой жизни на этом свете.

Говорят, что теперь «Братья Львиное Сердце» – одна из самых популярных книжек в шведских детских больницах. Врачи рекомендуют книгу тяжелобольным детям: считается, что она может утешить ребенка.

В 1976 году Астрид Линдгрэн сознательно включилась в политическую полемику. Она написала сатирическую сказку про ведьму Помперипоссу и шведское налоговое законодательство, которое душило малый бизнес. По мнению писательницы, шведская социал-демокра-

тия забыла свои идеалистические истоки и превратилась в мелочную и завистливую управленческую машину. После следующих выборов социал-демократическое правительство было отправлено в отставку. Многие считают, что в этом была заслуга Астрид Линдгрэн.

Еще Линдгрэн очень серьезно занялась защитой животных. К ее 80-летию, словно в подарок, в Швеции вышел наконец закон о защите фауны, который так и прозвали «закон Линдгрэн», обеспечивавший гуманное отношение к шведским теляткам, пороссятам и курочкам. Причем подготовило этот закон новое социал-демократическое правительство. Когда премьер-министр Ингвар Карлсон нанес визит Астрид Линдгрэн, она поинтересовалась, что это за молодых людей он с собой привел. «Это мои телохранители», – ответил чиновник. «Довольно разумно с вашей стороны, – сказала семидесятивосьмилетняя писательница. – Никогда не знаешь, чего от меня ждать, когда я в таком настроении!».

ЛИНДГРЕН КАК АВТОРИТЕТ

Астрид Линдгрэн умерла в Стокгольме в своей квартире в возрасте 94 лет. Незадолго до смерти она практически полностью потеряла зрение и слух, но, тем не менее, старалась быть в курсе всех мировых новостей. По словам родственников, у писательницы в последние месяцы была опасная вирусная инфекция, которая и отобрала её силы.

Любопытно, что последний раз она появилась перед телекамерами и фотоаппаратами на приеме по случаю визита в Шве-

цию президента России Бориса Ельцина. Тогда король Швеции сам встал перед легендарной женщиной и усадил ее рядом с собой. Рассказывают, что на приеме писательница шепнула своей помощнице, указывая на Ельцина: «Интересно, а он помнит, кто я такая?».

Последние несколько лет писательница редко выходила из дома и не общалась с журналистами. Тем не менее, Астрид Линдгрэн ежегодно вручала шведскую литературную премию имени ее самой.

Сейчас в шведских городах наперегонки называют площади и парки, выпускают монеты в ее честь. Выдвигаются требования дать ей Нобелевскую премию посмертно. Разговоры о том, что Астрид Линдгрэн своим непреложным авторитетом парализовала шведскую детскую литературу, затихли. Однако ее мастерство настолько велико и самоценно, что вытерпит любую критику. Разумеется, общество, которое она изобразила в своих книгах, останется в прошлом. Но что сохранится навсегда, так это ее глубокое понимание детской психологии и острейший, почти сентиментальный пафос по отношению к маленьким и убогим. Книги заложили традицию совершенно новой детской литературы, порывающей с привычными для этого жанра нравами и сентиментальностью.

«Я думаю, – говорила Астрид Линдгрэн, – что дети во всех странах очень похожи друг на друга. Очевидно, мне удалось уловить что-то важное в детской душе, и поэтому дети узнают себя в моих книгах. Они пишут мне: «У тебя получается. Они верят мне».

Ильмира БОЛОТЯН

